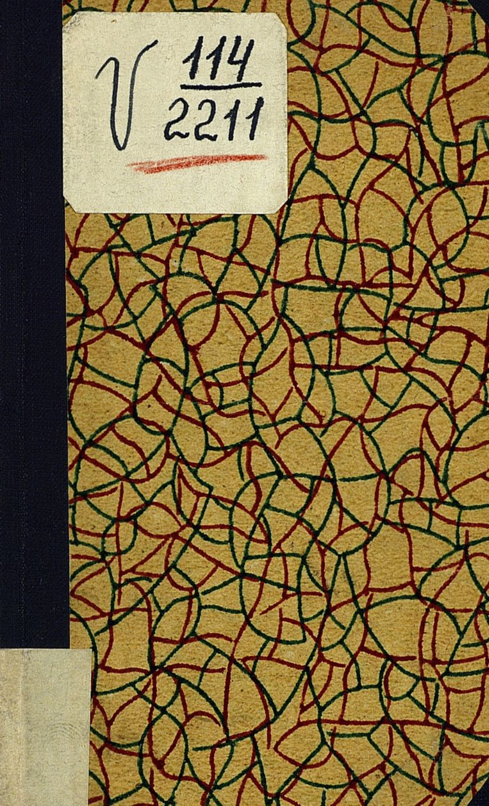
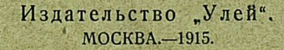

Вл. А. ГИЛЯРОВСКІЙ.

ГОДЪ ВОЙНЫ.

ДУМЫ и ПѢСНИ.

Издательство „Улей".
МОСКВА.—1915.

Вл. А. ГИЛЯРОВСКІЙ.

ГОДЪ ВОЙНЫ.

ДУМЫ и ПѢСНИ.

Издательство „Улей".
МОСКВА.—1915.

МОСКВА—1915 г.
Т-во ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій пер., 11.

Съ нами Богъ!

Русь истомилась въ неволѣ,
Въ рабствѣ Орды Золотой.
На Куликовское поле
Ѣдетъ Димитрій Донской.

Всѣхъ захватила отвага,
Слитъ воедино народъ,
Вкругъ освященнаго стяга
Русская сила идетъ.

Дрогнули рати Мамая,
Донъ кровянитъ берега,
Пала Орда Золотая,
Свергнуто иго врага.

* * *

Съ той Куликовской побѣды
Много вѣковъ протекло.
Хлынули новыя бѣды,
   Новое горе пришло.

Снова отъ края до края
Грозно поднялся народъ:
Вѣютъ знамена, сверкая,
   Русь на Тевтона идетъ.

Всѣхъ презирая и грабя,
Вызвалъ онъ насъ на отвѣтъ...
Явится новый Ослябя,
   Новый придетъ Пересвѣтъ.

Война за миръ.

На небѣ яркія зарницы,
Предвѣстникъ грозъ, рокочетъ громъ,
И отъ деревни до столицы
Русь встала въ вихрѣ боевомъ.
Переродилась, отрезвѣла,
Вздрогнула мощная страна.
Рука и сердце ищутъ дѣла,
Душа огнемъ борьбы полна.
И вижу я полетъ орлиный.
Всѣ племена, народъ и Царь
Сплотились крѣпко въ духъ единый,
Несутъ всѣ жертвы на алтарь.
Слились сермяга и порфира
Въ стѣнахъ незыблемыхъ Кремля,
И добываетъ миръ для міра
Желѣзомъ русская земля.
И силенъ, правдой вдохновенный,
Въ борьбѣ съ коварствомъ исполинъ —
Кто побѣдитъ? Тевтонъ надменный
Иль благородный славянинъ?
Двоимъ намъ тѣсно! Не искали
И не хотѣли мы войны,
Мы для спасенья братьевъ встали,
Пошли за честь родной страны.

И грозно на защиту права
Волной поднялся весь народъ —
Кто всталъ за правду — честь и слава,
А мечъ поднявшій — да падетъ!

Москва,
4 августа 1914 г.

Пѣсня.

... И батюшка Донъ всколыхнулся
Старинныя пѣсни гудятъ...

Въ пѣснѣ вся душа народная,
Тишина лѣсовъ и нивъ,
То звучитъ въ ней степь свободная,
То воинственный призывъ,
То печаль-тоска великая,
Безнадежности полна,
То и пьяная и дикая
Звѣремъ носится она.

Пѣли долго про лучинушку,
Что не ясно такъ горитъ,
Про мужицкую кручинушку,
Да про то, какъ самъ дуритъ,
Коли пьяный въ избу ввалится,
Весь въ крови изъ кабака...
И дерется и бахвалится—
— Раззудись моя рука!

Цѣпи рабства... Воля дикая...
За стѣнами свистъ плетей...
Грустно пѣла Русь великая
И баюкала дѣтей...

Доля горькая, тяжелая
Изъ печальныхъ словъ лилась —
Да какъ грянула веселая,
Мутной пѣной разлилась

Безпардонная частушечка:
Все на свѣтѣ трынъ-трава!..
— Не поймешь, красотка-душечка,
Заковырныя слова,
Голова отъ нихъ закружится,
Ноги ходятъ ходуномъ,
Позабудешься, не тужится —
И пошла вся жизнь вверхъ дномъ!

Безработная и рваная
Русь поникла головой,
Лишь одна частушка пьяная
Разливалась надъ страной...
Безтолковая, развратная,
Отъ трактира до тюрьмы
Въ яркомъ блескѣ непонятная
Затуманила умы.

Вдругъ война нежданно грянула...
Дрогнулъ вспугнутый народъ —
Русь могучая воспрянула,
Всколыхнулася... Встаетъ...
Смолкли пѣсни. Лишь солдатскія
Кой-гдѣ слышны съ поѣздовъ,
Рвутся къ бою залихватскія
Вслѣдъ несущихся полковъ.

Ужъ покончено съ частушками:
Прочь нелѣпыя слова!
Передъ вражескими пушками
Русь могуча и трезва,
Пѣсня въ ней гудитъ старинная
— Выше голову, не трусь!..
Богатырская, былинная
Поднялась святая Русь.

Казаки.

Чу! Сила могучая встала.
И слышно сквозь шумъ камыша,
Сквозь дикіе стоны Байкала,
Сквозь вьюгу и вой Иртыша,
Какъ движутся грозныя тучи
Въ безмолвной тайгѣ по снѣгамъ,
Минуютъ Уральскія кручи
И къ Волжскимъ идутъ берегамъ.
Встревожились южныя грани,
Колышутся травы степей.
Изъ плавней безвѣстныхъ Кубани,
Изъ Терскихъ песчаныхъ гребней,
Гдѣ горы закрыли туманы,
Гдѣ злобно потоки ревутъ,
Встаютъ удальцы-атаманы,
Станичниковъ вольныхъ зовутъ.
И батюшка-Донъ всколыхнулся,
Щетиною пики стоятъ,
Ермакъ Тимофеичъ проснулся,
Старинныя пѣсни гудятъ.
На западъ туманный, кровавый
Съ востока степные полки
Идутъ безудержною лавой...
За славой идутъ казаки.

* * *

Малка, Сунжа, буйный Терекъ,
Желтоводая Кубань,
Что ни горка, что ни берегъ
Казаки — куда ни глянь.
Прiумолкнули станицы,
Опустѣли хутора,
И станичники, какъ птицы,
Гдѣ сегодня, гдѣ вчера..
Налетѣли и нависли
Надъ врагомъ, какъ рой орлятъ,
И на Санѣ, и на Вислѣ,
И надъ взгорьями Карпатъ.
Имъ въ налетахъ страхъ не вѣдомъ —
Запорожцы — ихъ отцы!
И ведутъ бойцовъ къ побѣдамъ
Атаманы-удальцы.

* * *

Изъ тайги, тайги дремучей,
Отъ Амура отъ рѣки
Молчаливой, темной тучей
Шли на бой сибиряки.
Съ ними шла былая слава
Беззавѣтна и грозна,
Черезъ Вислу переправа
Забайкальцамъ не страшна.
Ни усталости, ни страха,—
Бьются ночь и бьются день,
Порыжѣлая папаха
Лихо сбита набекрень.
Эхъ, Сибирь, страна родная,
За тебя мы постоимъ,
Волнамъ Рейна и Дуная
Твой поклонъ передадимъ.
Насъ сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грознаго Байкала,
Ширь могучаго Урала
И сибирскіе снѣга.
Дружно въ бой на вражьи станы
Всѣмъ итти пришла пора.
Съ нами слиты атаманы
Волги, Дона и Днѣпра.

* * *

Шашка — отцовскій подарокъ,
Пику — я самъ смастерилъ.
Бой былъ и дологъ и жарокъ,
Врагъ, словно туча, валилъ.
Вырвался первымъ изъ строя
Старый испытанный конь,
Смирный въ минуты покоя,
Въ схваткѣ горячей — огонь.
Дрогнули недруги злые,
Мчались мы вѣтра быстрѣй...
Вспомнилъ я степи родныя,
Вспомнилъ жену и дѣтей.
Бой былъ отчаянно жарокъ,
Пика — осталася тамъ...
Шашку, отцовскій подарокъ,
Старшему сыну отдамъ.

1 ноября.

Донцамъ-суворовцамъ.

(Отрывокъ изъ письма).

... Позвали васъ, чтобъ отдохнули
Отъ трудной жизни боевой,
Вы повидали вражьи пули
И „чемодановъ“ дикій вой.
Свершали грозные налеты
На закаленнаго врага
Видали прусскія болота,
Прошли сыпучіе снѣга,
Окопы брали пѣшимъ строемъ,
Рубили конницу съ коня,
До Алленштейна мчались съ боемъ
Въ потокахъ крови и огня.
Всего, всего вы повидали
Среди чужихъ, нѣмецкихъ странъ,
Одни геройски въ полѣ пали,
Другіе — лѣчатся отъ ранъ
А вы всѣ живы, всѣ здоровы,
Усталость съ отдыхомъ пройдетъ,
И снова полкъ, въ налетъ готовый,
Отважно двинется впередъ,

Охватитъ нѣмца грозной лавой
Въ сверканьи пикъ со всѣхъ сторонъ
И новый подвигъ яркой славой
Украситъ славный, тихій Донъ.
Не мало дней средь бранныхъ споровъ
Вели вы трудное житье—
Недаромъ полкъ водилъ Суворовъ
И имя далъ ему свое.
Я гордъ, что вашъ ношу подарокъ—
Почетный, рѣдкостный жетонъ,
Не блескомъ золота онъ ярокъ,—
А мнѣ всего дороже онъ.
Я сердца трепетнымъ біеньемъ
Слѣдилъ за дѣйствіемъ полка —
Примите съ искреннимъ почтеньемъ
Земной поклонъ отъ старика...

Дворецъ.

Близъ бѣлокаменной столицы
Стоитъ дворецъ. Стѣна, бойницы,
Старинныхъ башенъ стройный рядъ
О дняхъ далекихъ говорятъ,
Когда сіялъ дворецъ огнями
Передъ Высокими Гостями.
Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ...
Здѣсь танцовали менуэтъ,
Бросая пламенные взоры,
Здѣсь музыки гремѣли хоры,
Звучалъ изящный разговоръ...
Здѣсь въ яркомъ блескѣ Царскій Дворъ
Дивилъ величіемъ и славой,
Здѣсь, предъ Великою Державой
Склонился самъ Наполеонъ,
Москвой пылавшей пораженъ.
Видали каменныя стѣны
Судьбы нежданной перемѣны,
И Бонапарта первый страхъ,
И отступленья первый шагъ.

Не мало время протекло,—
Уже столѣтіе прошло.

И снова гулъ войны священной
Грозой пронесся надъ вселенной;
Подъ боевой немолчный громъ
Русь встала въ вихрѣ боевомъ,
И передъ вражескою тучей
Поднялся весь народъ могучій —
Отъ свѣтлыхъ, царственныхъ палатъ
До закоптѣлыхъ, бѣдныхъ хатъ.
И во Дворцѣ стоятъ кровати,
На нихъ бойцы священной рати,
Врагомъ изранены, лежатъ,
О жаркомъ боѣ говорятъ.

— Мы шли на Пруссію походомъ.
Развѣдка. Двинулись со взводомъ...
Прошли селеній разныхъ рядъ.
Все будто тихо. Нѣтъ солдатъ.
Гдѣ мирно жители встрѣчали,
А гдѣ изъ-за угла стрѣляли.
Идемъ. Холодный вечерокъ.
Вдругъ передъ нами городокъ. *)
Нашъ есаулъ повелъ усами: **)
— А, ну, молодчикъ, съ казаками
Смотайся въ городъ, огляди,
Да поскорѣе приходи!

---

*) Дѣло 1-го Донскаго казачьяго полка подъ Маграбовымъ.
**) Есаулъ Ив. Ан. Платоновъ, георг. кавалеръ, умеръ отъ ранъ.

„Впередъ!"—шепнулъ своимъ налетамъ
Хорунжій и повелъ „наметомъ",
А съ есауломъ мы вдвоемъ
Стоимъ въ лощинѣ, молча, ждемъ.
Вдругъ топотъ. Нашъ хорунжій мчится
Съ лихимъ разъѣздомъ. Пыль клубится...
— Иванъ Андреичъ! — онъ кричитъ,—
Германскій эскадронъ летитъ!
Вдали земля дрожитъ отъ гула.
Сверкнули очи есаула,—
Переродился словно онъ!
— Къ атакѣ пики! Шашки вонъ!
А тѣ летятъ, спаявшись вмѣстѣ,
Ихъ человѣкъ безъ мала двѣсти.
Насъ съ есауломъ — тридцать три
— Впередъ, станичники, смотри!
— Ну, съ Богомъ!—Гикнули, помчались.
На косогорѣ повстрѣчались
Съ ихъ командиромъ есаулъ.
Столкнулись кони. Рубанулъ
Одинъ другого. Шашки снова
Скрестились... Сразу все готово,—
И нѣмцы бросились назадъ,
Теряя раненыхъ солдатъ.
Какъ вдругъ отрядъ изъ-за лѣска.
Палятъ. Свалили казака,
Рѣзнула пуля есаула,
Меня, шальная, саданула.
Вдругъ стало что-то горячо.
Рука повисла. Здѣсь, въ плечо,
Она, проклятая попала...

Другая мнѣ ружье помяла.
— Да, вотъ еще... Я не сказалъ—
Въ налетѣ пикой пронизалъ
Я офицера. У меня
Убилъ онъ выстрѣломъ коня...
Калмыкъ былъ бурый молодецкій...
Тутъ подвернулся конь нѣмецкій
И очутился я на немъ
Подъ непріятельскимъ огнемъ.
И вотъ теперь я во дворцѣ,
— Сказалъ съ улыбкой на лицѣ—
Изъ дикой степи, изъ станицы,
И въ бѣлокаменной столицѣ!
Не будь я раненъ — никогда
И не попалъ бы я сюда.
Теперь здоровъ. Черезъ недѣлю
Я снова въ полкъ и снова въ дѣлѣ...
— Къ атакѣ пики! Шашки вонъ!
— Тсс! Тише!
Рядомъ тихій стонъ...
— Тсс! Тише! Слышно по палатамъ.
Сестра склонилась надъ солдатомъ—
Лишь съ перевязки принесли...
— Сестрица! пить подать вели!—
Онъ шепчетъ блѣдными губами,
Лежитъ съ закрытыми глазами...
Все смолкло. Въ роскоши палатъ
Лишь стонетъ раненый солдатъ.

Петровскій дворецъ.
Дек. 1914 г.

Сибирскій стрѣлокъ.

Я говорилъ съ сибирякомъ,
Покрытымъ грозной славой.
— Три дня, три ночи мы штыкомъ
Работали подъ Равой.
Въ конецъ разодрана шинель,
Кой-гдѣ сочились раны,
Рвалась горячая шрапнель,
Ревѣли „чемоданы“.
Вверху отъ взрывовъ—смрадъ и мгла,
Внизу—огонь фугаса,
Въ крови винтовка—полъ ствола
Набилъ людского мяса.

* * *

Мы сорокъ разъ прошли въ штыки,
По трупамъ вся дорога;
Легли германскіе полки,
И пало нашихъ много...
Безстрашенъ и озлобленъ врагъ,
Себя не помня, бьется,
Въ пылу стремительныхъ атакъ
Умретъ, а не сдается.
Германцы—бурная волна,
А мы—скала нѣмая;
Несокрушимая стѣна—
Страна моя родная...

Сибиряки.

Нашъ отецъ—самъ Байкалъ,
Мать—сѣдая тайга,
Братья, сестры—безбрежныя дали.
Грозы, бури снѣга
Насъ, желѣзныхъ бойцовъ, воспитали.
На звѣрей по зимамъ мы бродили
[въ лѣсахъ,
Ель—постель и снѣга—одѣяло.
Глубоко въ рудникахъ
Намъ и солнце лучомъ не сіяло.
Что намъ бой? Что война? Погрознѣе
[Иртышъ
Да безлюдная тундра нѣмая,—
Молчаливая тишь
И снѣга безъ конца и безъ края!

Памятка.

— День и ночь лежишь въ траншеѣ
Подъ огнемъ и подъ водой,
И не знаешь, что страшнѣе —
Тишина иль жаркій бой.
На развѣдкахъ по недѣлѣ
Рыщешь около врага,
И шинель на голомъ тѣлѣ,—
Изъ обрывковъ сапога
Смотритъ голая нога.

* * *

— Ничего! Намъ страхъ не вѣдомъ,
Всѣ пролить готовы кровь,
И зоветъ сердца къ побѣдамъ
Милой родины любовь.
Знаемъ мы: не одиноко
Каждый въ бой идетъ за васъ,—
Наблюдаетъ чье-то око,
Чье-то сердце, тамъ, далеко,
Бьется трепетно за насъ.

* * *

— Выше, лучше, нѣтъ награды,
Какъ родное письмецо,

Бездѣлушкѣ каждой рады:
— Значитъ, помнятъ! И отрадой
Зарумянится лицо.
— Значитъ, помнятъ! Не забыли
На чужой землѣ, въ бою,
— Значитъ, вѣрятъ нашей силѣ,
Ждутъ, чтобъ нѣмца мы разбили,
Отъ врага освободили
Родину свою!

На родинѣ.

Опять въ своихъ поляхъ! Родимая
[сторонка!
Старикъ-отецъ, нахохлившись, сидитъ,
По грязи тащится уныло лошаденка,
Телѣга въ колеяхъ и рытвинахъ
[скрипитъ.

Покойно на душѣ. Тамъ встрѣтитъ
[мать родная,
Ребятки подбѣгутъ. Зардѣется жена...
Межу проѣхали. Полоска озимая...
А вотъ и мельница отцовская видна.

Какая тишина. Грачей отлетныхъ стая,
Собравшись въ теплый край, кружится
[въ тишинѣ.
А тамъ? На грозные окопы налетая,
Мы понеслись подъ пулями, въ огнѣ...

Бѣжали, падали, вокругъ рвались
[шраппели,
Стучалъ, какъ молотками, пулеметъ....
Штыкомъ упорнаго германца одолѣли...
На полкъ кресты прислали за лихой
[налетъ.

Припомнились и Санъ, и Висла, и
[Карпаты,
И ревъ гранатъ, и рукопашный бой.
И все прошло какъ сонъ!
Опять родныя хаты,
Колодецъ у двора и ветлы надъ рѣкой.

Въ Польшѣ.

Органъ на хорахъ зарыдалъ,
Въ пустомъ костелѣ плачутъ звуки.
О, сколько онъ перевидалъ!..
Здѣсь было все—позоръ и муки.
Пытали женщинъ... Кровь рѣкой...
Сливались съ пошлой пѣсней стоны...
Штыкомъ пробитъ ковчегъ святой,
Исполосованы иконы.
Повсюду гадкихъ оргій слѣдъ.
Святой престолъ имъ былъ постелью...
Живого мѣста въ храмѣ нѣтъ,
Въ конюшню обратили келью.
Сожгли село. Народъ ушелъ.
Въ плѣну священникъ и монахи...
А органистъ съ ума сошелъ,
Избѣгнувъ петли или плахи.
На хорахъ, какъ живая тѣнь,
Старикъ безумный. Онъ играетъ..,
Въ безлюдномъ храмѣ ночь и день
Органъ надорванный рыдаетъ.

Бельгія.

Нѣтъ словъ! Нѣтъ силъ!
Нѣтъ образовъ, чтобы сказать
Какъ Бельгіи пришлось страдать,
Что врагъ въ ней натворилъ!
Тамъ стерты города съ лица земли—
Убійцы наглые прошли.
Народы! Видите, что съ Бельгіей теперь?
Всѣхъ караулитъ злобный звѣрь,—
Давно онъ наготовѣ
Міръ растерзать кровавой рукой...
Клянитесь на безвинной крови:
Германію долой!

Сербія.

I.

О, Сербія! Ты доблести полна,
Ты на Балканахъ лучъ во мглѣ тумана,
Великолѣпная и гордая страна
Потомковъ Сильнаго Душана.

Вновь поле Коссово воскресло предъ
[тобой,
Въ развалинахъ дымящихся конаковъ,
Гдѣ твой народъ ведетъ неравный бой
Бьетъ легіоны австріяковъ.

Полураздѣтыя, разутыя войска
Врага могучаго разбили,—
Еще тверда кровавая рука,
Еще народъ полуголодный въ силѣ!

Еще безстрашенъ и великъ
Съ ружьемъ, на гребнѣ грознаго окопа,
Въ пороховомъ дыму сѣдой старикъ—
Король—какихъ не видѣла Европа.

И встанетъ изъ развалинъ твой
[Бѣлградъ.
Заплещетъ флагъ въ горахъ
[Калимегдана
И подвиги твоихъ героевъ воскресятъ
Былую Сербію Великаго Душана.

II.

Нѣтъ упадка, нѣтъ подъема,
Души всѣхъ однимъ полны—
У воротъ родного дома
Пасть за счастіе страны.
— Все мы въ жизни испытали:
Гнетъ турецкій, свистъ бича,
Насъ казнили, насъ пытали
Для потѣхи палача.
И стояли братья нѣмы,
Молвить слово не могли,
Какъ въ турецкіе гаремы
На позоръ сестеръ вели.
Все прошло и стало сказкой,
Прогнанъ турокъ, нѣтъ врага,
И Дунай покорной лаской
Омываетъ берега.

* * *

Но ползетъ изъ-за Дуная,
Вмѣстѣ съ ласковой волной,
Ядъ заразы разливая,
Врагъ невѣдомый, иной...

Взвился тучей, бурей хлынулъ
На цвѣтущія поля,
И войска нежданно двинулъ...
Обагрилася земля!
Мы разуты и раздѣты,
Бьемся ночи, бьемся дни...
Нѣтъ улыбки... Пѣсни—спѣты...
Мы безпомощны, одни.
Турокъ, старый врагъ, на югѣ.
Новый врагъ—бездушный швабъ.
Ищемъ помощи мы въ другѣ,—
Но и тотъ—германскій рабъ.

Болгаріи.

Зачѣмъ молчите вы, недавніе рабы,
Спасенные отъ ига только нами.
Безвольное игралище судьбы—
Вы снова будете рабами.
Быть-можетъ, Австрія свой кровожадный гербъ
Прибьетъ надъ посрамленною Софіей,
Возьметъ васъ нѣмецъ иль окрѣпшій сербъ,
Когда покинуты вы будете Россіей.
Гдѣ тотъ народъ, который я видалъ
Въ столѣтовскихъ незыблемыхъ дружинахъ,
Среди орлиныхъ скалъ,
На Шипкинскихъ, дымящихся стремнинахъ,
Или забыли вы воинственный свой кликъ,
Въ отвѣтъ на грозныя турецкія проклятья,
Ихъ повторялъ народъ безстрашенъ и великъ:
— Впередъ, болгары, съ нами Богъ и братья!

Къ вамъ братья русскіе изъ снѣжныхъ странъ пришли;
На ваши розами обвитыя долины,
Въ горахъ Балканъ защитники легли,
Покрыли трупами цвѣтущія равнины.
На нашей крови выросла страна,
Свобода добыта вамъ русскими штыками—
Народная молва преданьями полна,
И дышутъ пѣсни славными боями,
О насъ поетъ въ своей нѣмой глуши
Народъ, хранящій свѣтлыя преданья—
А тамъ, надъ нимъ, дѣльцы и торгаши
Нѣмецкой подлости продажныя созданья,
Коварные предатели славянъ,
Народа чувства нагло растоптали...
Безстыдный швабъ, навязанный тиранъ
Ведетъ страну въ невѣдомыя дали
Другого рабства... И придетъ оно.
И только свѣтлой тѣнью Царь-Освободитель
Напомнитъ вамъ, что было такъ давно...
Не будетъ васъ,—кто бъ ни былъ побѣдитель!
Болгарія! Ты предала своихъ
Единокровныхъ, въ тяжкій мигъ забыла...
Лови, пока не пробѣжавшій мигъ,
Пока въ сердцахъ таится жизни сила...

Молись, Болгарія, среди родныхъ долинъ,
Чтобы на правый путь привелъ тебя Создатель.
Смотри: вотъ Радко-Славянинъ,
А вотъ—австрійскій швабъ-предатель.

Галичина.

Высокъ и мягокъ мохъ пушистый,
Въ глуши беззвучна тишина,
Травой покрыта шелковистой
Ущелья дикаго стѣна.
Чу, слышенъ серны осторожной
Пугливый бѣгъ по гребнямъ скалъ...
Вотъ къ небу взмылъ орелъ тревожно
И въ темномъ облакѣ пропалъ...
Рокочутъ взрывы надъ деревней,
Грохочутъ пушки по горамъ...
И какъ свѣча пылаетъ древнiй
Высокiй деревянный храмъ..
Струится кровь... Разбиты хаты...
Все гибнетъ въ битвѣ и огнѣ.
Молчатъ таинственно Карпаты,
Хранятъ былое въ тишинѣ...

Военные трофеи.

Я видѣлъ: пушки привезли.
Они безпомощно стояли,
Среди платформы, на вокзалѣ,
Покрыты грязью и въ пыли.
И часовой у пушекъ всталъ,
Надъ ними знамя трепетало...
Народъ толпился у вокзала:
Побѣдные трофеи ждалъ.
Печаленъ грозныхъ пушекъ рядъ.
Онѣ навѣки замолчали
И сохранятъ ихъ въ арсеналѣ,
Какъ подвигъ доблестный солдатъ:
Потомству память дорога
Того безвѣстнаго героя,
Что смѣлой хваткой знамя съ боя
Взялъ у жестокаго врага.

Въ Арменіи.

Гулъ народной волны,
Не смолкая, шумитъ,
Кайфаханы полны,
Край оружьемъ гремитъ,
Все стремится на бой,
Что ни шагъ, то боецъ
Дѣдъ съ сѣдой бородой
И безусый юнецъ,—
Всѣ охотой идутъ
На воинственный зовъ,
Даже дѣти бѣгутъ
Изъ отцовскихъ домовъ.
Дымъ клубится въ горахъ
По утесамъ стремнинъ.
Дрогнулъ яростный врагъ,—
Всталъ боецъ-армянинъ.

Италія.

Задымилъ Везувій старый,
  Этна дышетъ тяжело;
Клубы дыма, тучи пара
  Грозно завили чело
Подъ землей бушуетъ пламя,
  На землѣ встаетъ народъ,
Слышны клики, блещетъ знамя,
  Берсальеровъ въ бой ведетъ.
Отъ неапольской лазури,
  Съ Аппенинъ, гдѣ спятъ снѣга,
Налетятъ порывомъ бури
  На жестокаго врага.
Та страна необорима,
  Гдѣ поднялся весь народъ,
Гдѣ былая слава Рима
  Въ сердцѣ каждаго живетъ.

Летчикъ.

Онъ держитъ въ даль опасный путь.
Дымки шрапнелей вереницей
Надъ нимъ... Подъ нимъ... И дрожь и
жуть...
Вотъ, вдругъ, подстрѣленною птицей
Онъ ринулъ внизъ... Моторъ застылъ,
Безпомощный и молчаливый...
Но мигъ одинъ—и снова взмылъ
Онъ къ небу, гордый и красивый.

* * *

Я въ монастырь ушелъ. Но нѣтъ, не
за стѣнами
Святой обители свершаю подвигъ свой.
Глубоко вдохновленъ священными
псалмами,
Молясь на паперти и днемъ и въ
часъ ночной,

Какъ схимникъ, я отъ міра отрѣшился,
Забылъ про счастіе и радость на
землѣ;
Я съ головой въ пучину жизни погру-
зился
И миръ души нашелъ въ пылающемъ
котлѣ.

Изнѣженъ я и слабъ. Въ окопы
огневые
Итти нѣтъ силъ. Я лишній буду тамъ
Но семьи тѣхъ борцовъ, подвалы ихъ
сырые
Передо мной стоятъ, какъ искупленья
храмъ.

И я пошелъ къ разрушеннымъ лачу-
гамъ,
И хлѣбъ несу голоднымъ матерямъ,
И всѣхъ зову: идите другъ за другомъ.
Къ отвореннымъ страданьями дверямъ!

Идите же! Несите свой излишекъ,
Души своей раскройте мощь и щирь...
Спасайте матерей, оставленныхъ дѣти-
шекъ—
Служите Богу тамъ. Тамъ храмъ и мо-
настырь!

Въ сельскомъ храмѣ.

Вся Русь молилась 8 іюля.

Свѣчъ восковыхъ люблю мерцанье
И трепетъ гаснущихъ лампадъ,
Ихъ переливное сіянье
На темныхъ ризахъ царскихъ вратъ.
Бѣгутъ огня живого блики
Къ рѣшеткамъ дремлющихъ оконъ
И озаряютъ ярко лики
Старинныхъ, сумрачныхъ иконъ.
И ароматный дымъ куреній
Сквозь переливъ живыхъ огней
Проноситъ рядъ святыхъ видѣній
При блескѣ трепетныхъ лучей.

Узникъ.

Я томлюсь въ тюрьмѣ, въ оковахъ,
Тамъ—родные бьются братья...
Полонъ духъ порывовъ новыхъ,
Съ ними вмѣстѣ могъ бы встать я,
Вмѣстѣ съ ними могъ бы биться,
Раздѣлить труды и бѣды,
Умереть или добиться
Милой родинѣ побѣды.
Мнѣ не жаль разбитой жизни,
Мнѣ не страшенъ бой кровавый,—
Принесу себя отчизнѣ
Въ ратномъ полѣ съ новой славой.
Не свобода дорога мнѣ,
Дорога страна родная.
За рѣшеткой въ сѣромъ камнѣ
Гибнетъ сила молодая.

Въ глубинѣ Россіи.

Все ѣду я. Кругомъ, въ поляхъ без-
брежныхъ
Волна бежитъ по ржи, куда ни глянь,
И только слѣдъ колей телѣжныхъ —
Ея единственная грань.

* * *

И день, и ночь я ѣду... ѣду...
Однообразіемъ душа утомлена.
Я съ ямщикомъ веду лѣнивую бе-
сѣду,
Намъ вторитъ ржи звенящая волна.

* * *

— Два на позиціи. Два дома. За-
пивохи
Всѣ были четверо. Я тоже пилъ съ
утра.
Бранилась мать, ревѣли снохи, —
Мы все въ кабакъ тащили со двора.

* * *

Пришла война и все перемѣнила,
Работниками стали сыновья...
Гляди, хлѣба! Гляди, какая сила!
Деревня стала, какъ одна семья...

* * *

Кажись, все дорого, а все есть: хлѣбъ,
скотина,
Кой-кто позарывалъ залежные рубли...
На призывѣ и младшіе два сына.
О тѣхъ нѣтъ слуха. Можетъ и легли.

* * *

Вотъ урожай! Ты глянь-ка ржи какія...
А главное — пропить его нельзя...
Поля кругомъ, поля... Колосья золотые
Ласкаетъ вѣтерокъ, играя и скользя.

Великая годовщина.

Сегодня—годъ войны жестокой,
Досель неслыханной войны,
Изъ бездны дремлющей, глубокой
Поднявшей мощь родной страны.
Тѣ силы грозныя, что спали,
Таясь въ народной глубинѣ,
Неудержимыя возстали
Подобно яростной волнѣ.

* * *

Давно потухнувшимъ вулканомъ
Дремала Русь—и вотъ надъ ней,
Надъ вѣковымъ ея туманомъ
Сверкаютъ молніи огней.
Все поднялось въ защиту права
Отецъ и сынъ, сестра и братъ.
И огнедышащая лава
Спаяла камень и булатъ.

* * *

И нѣтъ въ сказаньяхъ древнихъ хартій
Того, чѣмъ нынѣ Русь полна:
Сдружились люди разныхъ партій,
Слились чужія племена;

Воскресли силы неземныя,
Забытъ покой и мирный сонъ:
У всѣхъ одинъ завѣтъ—Россія,
У всѣхъ единый врагъ—тевтонъ.

Грезы на Босфорѣ.

Моря Чернаго волна
Въ ночь глухую злобно плещетъ;
Поблѣднѣвшая луна
Въ красномъ сумракѣ трепещетъ.
Пулеметъ вдали трещитъ,
Заглушая вой снаряда...
Прибиваетъ кто-то щитъ
Надъ вратами Царяграда.
Все сильнѣе хлещетъ валъ,
Дымъ нависъ багровой тучей;
Надъ Босфоромъ зазвучалъ
Гдѣ-то колоколъ пѣвучій.
Утро. Меркнетъ серпъ луны.
Пали тюрьмы. Цѣпи пали.
Изъ-за каменной стѣны
Пѣсни воли рвутся къ дали...
Море ожило окрестъ—
Рѣютъ вымпелы Россіи,
И блеститъ на солнцѣ крестъ
Надъ громадою Софіи.

Цѣна 20 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Москва, Столешниковъ 5, контора
В. А. Гиляровскаго.

